

Нас пишат – И МЫ ПИШЕМ

Гадание по Алёне Каримовой

Книгу стихов замечательного казанского поэта Алёны Каримовой «Другое платье» я открыл на Святки. Как выяснилось, не случайно.

Но обо всём по порядку.

Зима. Утро. Рождество уже прошло. Праздничное настроение потихонечку сходит на нет. Наступают суровые рабочие будни. Из окна видно, как дворник упоительно колошматит лёд во дворе совковой лопатой. Люди разноцветными струйками начинают стекаться к остановкам, чтобы принести себя в жертву работе.

Дом напротив блестит инеем. Небо чистое – ни соринки. Солнце плавно

набирает высоту. Его лучи пытаются прокрасться ко мне в комнату. У одного лучика это получается, и он узкой полоской освещает книжный стеллаж, упёршись в тоненькую обложку поэтического сборника.

Заинтересованно подхожу к шкафу и достаю эту книгу. Догадались кто автор? Доставая книгу Алёны Каримовой, роняю две соседние на пол – что-то религиозное и самоучитель по гаданию. Непонятно, как они затесались в стройные ряды поэтов и писателей...

Перешагиваю их, подбираю, откладывая на столик, чтобы определить им впоследствии другое место и, уютно

расположившись на диване, раскрываю на первой же попавшейся странице сборник стихов. Читаю:

**Поуютнее местечка
Будто выдумать не мог,
Спит у нашего крылечка
То ли случай, то ли Бог.**

**До чего бывает странно
И неловко до чего
Каждым зимним утром рано
Перешагивать его.**

Прекрасное восьмистишие...

Потрясающая глубина поэзии в незатейливых строчках...

Перечитываю стихи несколько раз, смакуя каждое слово на языке. И тут до меня начинает доходить, что книгу я открыл на поразительно нужном месте. Строфы-то провидческие! Только что я, можно сказать, Бога перешагивал, имея в виду религиозный томик. Утро у меня тоже зимнее. Уютнее местечка, чем мой диван – и нет вовсе. Вот это случай!

Скользит мой взгляд рассеянно по столику, по книжке о гаданиях... Думаю, а это к чему? Почему самоучитель выпал? Вроде как Святки сейчас идут. Как раз в это время гадают. А тут книжка у меня волшебная в руках. И вспоминаю, как в детстве по книге гадали. Придумывали вопрос. Говорили страницу и строку – там и должен был содержаться ответ.

Вот это да! Ну, думаю, – судьба!

Надо попробовать – чем чёрт не шутит!

Придумываю первый вопрос:
Как у меня сегодня день сложится?
Загадываю:

64 стр. Последняя строфа снизу.
Открываю и читаю:

**Оставь человека совсем одного,
и он уподобится вещи.
Поди, принеси я не знаю чего,
но так, чтобы стало полегче.**

У меня аж мороз по коже пошёл. Всё так. Жена уехала в другой город на

несколько дней поведать родных. И я тут один – совсем в вещь превратился. Даже в магазин ленюсь сходить за куревом. А надо бы. И будет нервишкам полегче...

Обдумываю второй вопрос. Раз книга поэтическая, спрошу о своём творчестве. Что меня ждёт? Прославлюсь ли в веках?

Загадываю:

30 стр. Вторая и третья строка сверху.

Открываю:

**...вот дерево, как нищенка – ребёнка,
безрадостно покачивает птицу.**

Мда. Ждёт меня полное бесславие и забвение. Печально. Ну, может тогда меня ждёт богатство?

Загадываю:

14 стр. Седьмая и восьмая строка снизу.

Листаю и вот что вижу:

**Я скучаю. Это просто.
Не скучать куда сложнее.**

Понятно. Алёна заскучала. Не к тому обратился. У поэта о деньгах лучше не спрашивать. Он в других эмпириях витает. Тогда про работу спрошу. Может, найду, наконец, хорошую работу, хоть как-то с литературой связанную?

Загадываю:

62 стр. Третья и четвёртая строка сверху.

Такое двестише получаю:

**Месяц – вопросом обеспокоенным
В небе торчит над твоей избушкой...**

Ни да, ни нет. Не хочет отвечать. Только факт констатирует. Действительно, вопрос для меня уж очень обеспокоенный...

Тогда зайдём с другого конца. О душе бессмертной спросим. Существует ли она?

Загадываю:

23 стр. Седьмая и восьмая строка сверху.

Открываю:

**Но всего сильнее в человеке
То, что он действительно живой.**

Значит есть, родимая! Я-то знал. Это больше так, для проверки чистоты эксперимента. Не врёт всё-таки книжечка. Истину вещает!

А как у меня с бессмертием и смертью дело обстоит? Боязно конечно, но спрашиваю.

Загадываю:

Та же страница, но девятая и десятая строка снизу.

Читаю:

**Хорошо, что я не знаю, где ты,
Хорошо, что я тебя найду.**

Ага. Что не знает – звучит обнадеживающе. Далековато, видимо, пока моя смертушка. А вот что найдёт меня в итоге – печально. Я как-то думал пожить бесконечно, с учётом развития нашей медицины. Лелеял такую мысль в себе.

Ладно, надо о чём-то земном спросить. Как там, например, у меня жена поживает? Скоро ли домой вернётся?

Загадываю:

14 стр. Четвёртая строка снизу.

И книга чуть из рук не выпадает:

Так люблю, что не приеду.

Эй! Это как «не приеду»?! В животе похолодело и стало пусто...

Будем считать это гадание незасчитанным. Это просто страница бракованная. Надо срочно перегадать!

Перезагадываю:

39 стр. Последние две строки.

Читаю:

**Возвращенье – наш извечный враг –
Молча дожидается вдали.**

Да что же это такое! Неужели может что-то случиться? Лихорадочно набираю номер любимой. Слышу родной голос.

– Дорогая, у тебя всё в порядке?

– Да, любимый, всё хорошо!

– Ты скоро приедешь?

– Завтра вечером. Ты меня встретишь?

– Конечно, моя хорошая!

Облегчённо кладу трубку.

Устала, видимо, книжечка гадать.

Но последний вопрос я всё же задам. Есть ли Бог? И что он? Кто он?

Загадываю:

40 стр. Предпоследняя снизу строка.

А вот и ответ:

Ты – лучше чуда, ведь ты – моё.

Ну, конечно, есть! Все мы созданы по образу и подобию Его. Все мы дети Его. И так замечательно узнать, что Он восхищается нами. И бесконечно любит!

Это я удачно вопрос задал. Нельзя у стихов о мелком и житейском спрашивать. Спасибо, дорогая Алёна! Спасибо, волшебный сборник!

А книжечка соскальзывает с рук и открывается напоследок на самом важном. На любви. Любите друг друга, ребята:

**Столько времени – ни о чём,
пропёт ли вдали петух
или дверь к нам толкнёт плечом
чей-то мрачный заблудший дух.**

**Ариадны застыла нить,
электронные врут часы,
людям не о чем говорить –
то-то воют ночами псы.**

**Я бессмысленна, как сова,
коротая полярный день.
И какие ни взять слова –
будет вилами на воде.**

**Ты не склонишь ко мне лица,
но в запястье глухая кровь,
как птенец в скорлупу яйца,
всё отстучивает любовь.**

«Всё обращается в стихи...» у Елены Шевченко

145

Я отправляюсь на поиски нового образа. Казанский имажинизм – явление особое. Книга стихов Елены Шевченко «День без сюжета» – вот что нужно ищущему путнику. Здесь каскад метафор вкупе с авторской экспрессией создают мощнейшие не только пейзажные, но и философско-психологические полотна.

Мы начинаем своё путешествие в начале года. В крещенские морозы. В темень. Когда:

**Луна дырявым сырным кругляшом,
Резвясь, каталась
в чёрном масле неба...**

И мы пройдем весь тернистый путь художника. Через вьюги и дожди, жару и холод, ночи и дни. Придя к осмысленной и переосмысленной абсурдности творческого бытия:

**На пяточке, куда стекался свет,
Стоял поэт, икая и качаясь,
Зевал на небо, а ему в ответ
Приотворялась вечность, усмехаясь.**

А пока отправляемся на базар. На это капище людской толчеи. Средоточие вольных запахов и пёстрых красок аппетитных натюрмортов. Богатую галерею образов торговков и торговцев. Где повсеместно обозначается столкновение тонких восточных пряностей с ядрёным славянским весельем. И стирается неуловимая грань между алчностью и

надувательством, неспешностью торга и лихорадочным мельканием купюр из раздувшихся кожаных кошельков, цветением тюльпанов и увяданием лукапорья в гранитном ряду:

**Катишь пылающий шар апельсина,
Пробуешь пряный отвар,
Мерно вращаешь тяжёлую глину,
Старый искусник, базар...**

И пронзает тебя время, а ты, как заведённый, бродишь по фруктовым и овощным коридорам. Натыкаешься вдруг на бухарские ковры и высокие бронзовые канделябры, но, неумолимо проплывая мимо, вновь оказываешься в плену у съестных припасов и за тучей мух в мясном ряду разглядываешь удивительное малахитовое солнце, искусно ввинченное в алюминиевую крышу рынка, а через мгновение, ощупывая пустые карманы, осознаёшь, что весь этот жужжащий торговый рой вновь тебя надул:

**Вздохом и лаской,
притворной и клейкой,
Ловко сбывая товар,
Снова обманешь меня на копейку,
Старый пройдоха, базар.**

Но не расстроенный, а даже напротив, вполне удовлетворённый охватившим и полностью избывшим все остальные чувства – восторгом азарта, ты под-

нимаешься по коротким и кривым улочкам в ледяную гору, чувствуя радостное опустошение. А холодные ветра порывисто толкают тебя в спину, помогая преодолеть скользкие раскатанные тропинки во весь заснеженный тротуар.

И тогда тёмное и глубокое небо с колючими звёздами, распахнутое над головой, засверкает тебе на перекрёстке у Петропавловского собора. И ты вдруг, повинувшись какому-то внутреннему импульсу, войдёшь в него по крутым каменным ступеням и ощутишь уже другую радость. Не опустошения, а наполнения чем-то светлым и добрым:

**Быть может, меня поманило крыло
Случайного ангела, мёрзшего рядом?
На улице холод, а в церкви тепло,
И большего мне вечерами не надо.**

И вновь тебя пронзает время...

Зимние месяцы сходятся на арене казанского Колизея. Беспощадные дни, словно древние гладиаторы, насмерть бьются друг с другом. И именно сейчас метели всё яростнее обрушиваются на дома. Воздух становится хрупким и звонким. А птичья кровь густеет:

**Как неопрятный пух
на галочьи следы,
Всклокоченный февраль
обрушился на кровли
И бьётся с февралём
до сумрачной воды –
Как братья-петухи, сцепясь,
до первой крови.**

Всё живое цепенеет при этой схватке. И только молитва способна пробудить вьюжный пейзаж за окном. Отогреть гротескно нависшие над узенькими кривоватыми улочками роковые крыши домов. Вдохнуть жизнь в деревянные деревья, у которых ещё поздней осенью ампутировали ветви-руки и оставили умирать под анестезией зимы. Остаётся только гадать:

**Прорастёт ли культура тополиная?
Запоёт ли подбитый скворец?
Время ходит шагами аршинными,
Тихо дует на свежий рубец.**

И отогревается подвластная времени земля. Сезонная очистительная лихорадка, схватив её напоследок особенно сильно, теперь уже отступает до следующего года, подтачиваемая со всех сторон проснувшимися ручьями. Да и солнце растапливает тяжёлый свинец туч, а звонко льющуюся капель щедро распределяет по таким беззащитным крышам домов и козырькам подъездов. Голубые реки мирового таянья берут в полон всё вокруг:

**А доски – брюхом по воде,
Как днище Ноева ковчега,
И жаль не всплывшего нигде,
За ночь потопленного снега.**

Подогретый воздух тает и шкворчит на сковородке будней. Нечто птичье, но уже не задиристое и кровавое, как при холодах, а грациозно пушистое и приятно обволакивающее грудь – носится в небе и зовёт в полёт. В мистическое скольжение облаков, по дымчатому следу самолёта раскроившего голубое сукно. В дверь, за которой после вставания на цыпочки следует и ещё один логичный шаг – отрывание от земли и воспарение к телеграфным столбам, но не от святости, а от переполняющего всё существо восторга при ожидании летнего чуда:

**Стало ночью не страшно в дому
И постылы в руках костыли,
Мне опора теперь ни к чему,
Я и так не касаюсь земли.**

Это всё, что нужно лирическому герою и городу. Ощущение летнего времени. Летнего праздника и веселья. Бессмысленного ли? И бессовестного ли теперь? Видимо, эта оценка находится уже вне нравственных и человеческих категорий. Пространство и время – епархия более глубинных законов бытия. Эмпирических законов Вселенной, бесстрастно созерцающих происходящее:

**Уснувший город пьян и сыт,
Напротив особняк знакомый,
А век, как форточка, открыт,
И время топчется у дома.**

Однако и эти законы не главные. Через все тернии ощущений, мыслеформ, музыки и мысли слов мы приходим к единственно возможному утверждению основного и непреложного закона поэзии. Закона человеческой души и единения автора с читателем в катарсисе дня без сюжета:

**Всё обращается в стихи –
Они питаются от плоти**

**Птенца, ромашки и ольхи,
И душ, подрезанных на взлёте.**

**Их навсегда развёрсты рот
И жажда нового улова –
Пусть что-нибудь произойдёт,
Не поддающееся слову!**

**Пылят за домом лопухи,
Репей ощерился волчицей...
Всё обращается в стихи,
Едва сподобившись случиться.**

ПАУТИНКА* НАИЛИ АХУНОВОЙ

*На голом суку
примостилась под вечер ворона –
кончается осень...*

Мацуо Басё
(пер. Александра Долина)

Тонкая поэзия Наили Ахуновой предвосхищает рассказ о том, как на страницы и листья осени наступали тяжёлые башмаки прохожих. А потом плащи и шерстяные юбки сметали раскрошенные опадыши с аллея. Солнце их ещё плавало. Дождь уже растворял в траве.

Утренний туман остужал голые ветви.

Гигантский Ятагарасу**, посланный с небес богиней солнца Аматаэрасу, грузно вспорхнул с ели и закружил над Чёрным озером в центре Казани.

Птица обозревала водную гладь теперь уже искусственного водоёма, словно Будда вглядывался в глубь Лотосового пруда:

**мурашки по коже
у лужи осенней
скоро холода**

Как он здесь очутился? Когда-то давным-давно прилетевший, чтобы перевести легендарного императора Дзимму, идущего в поход за основание Японии, через горные перевалы из Кумано в Ямато, сейчас растерянно планировал над парком и тщетно взывал к своей госпоже. Солнце обозначало лишь условный переход сумрака в лимонную светлость. Жалоба Ятагарасу не была услышана:

**дождливый ноябрь
сад насквозь проржавел
даже ворона скрипит**

* «Паутинка» – мифологический рассказ Рюноске Акутагавы.

** Ворон с головой в восемь мер (яп).

Закрапало небо. Капли начали биться о пруд. В разбегающихся кругах, очищающих воду от ряби, птица вдруг увидела своих воронят. Продрогших. Зовущих на помощь. Неокрепшие клювики, перебитые крылья и лапки...

Горечь и растерянность, непонимание, отчаяние... Вот что слышала благодарная птица в пронзительном писке своих детёнышей:

**испуганной птицей
сердце в груди
сумею ли удержать**

А ветер крепчал. Сёк крылья. Изнурял своими порывами уже и без того отчаяния обессиленное тело. Медное небо давило птицу к земле. Воздушные потоки жгли перья. Голые сухие ветви деревьев раскачивались и, казалось, удлиняясь на глазах, пытались схватить Ятагарасу и, притянув к себе, заставить запутаться в своих колючих объятьях:

**как хочется
летать! Но у воздуха
острые грани...**

И тогда заветная паутинка пришла птице на помощь. Именно словом-паутинкой можно спастись не только ей, но и её птенцам – открылось птице.

Слово – вьётся из самой сути бытия. Переплетается солнечным светом, овеивается воздухом, подпитывается землёй и водой. Входит в нас. Согревается любовью, верой и надеждой. И вьётся из нас дальше, в мир, где с появлением его на одну паутиночку становится больше добра:

**в который раз
перехожу поле
чистого листа**

В тот самый день, осознав своё новое предназначение – спасти и быть спасённой самой, – птица заговорила. Это был дивный язык предков. Необычный. Плавный и льющийся неспешный

ручей. Завораживающий своей хрупкостью и краткостью – словно выдох младенца во сне. Это были стихи.

Тончайшие паутинки хокку несла птица своим детёнышам, чтобы те, взбираясь по ним, тянулись к свету. Будда у лотосового пруда одобрительно улыбался, смотря на это:

**тончает клубок,
а выхода нет.
ариадна, ау!**

Но паутинка тонка. Много силы в ней, и в то же время длинен путь по этому волоску вдохновения. По дороге что только может не попасться в шёлковые сети сознания.

И страх, и боль, и даже ненависть к себе – всё изживает нить. Трепещет от самомнения и гордыни. Колыхается от невзгод и непогод семейных. Замирает в обустроенности и упокоённости достигнутого:

**в гамаке паутины
уютно
далее открытый космос**

Идите же по ней! Поначалу все мы неумелые канатоходцы. Но, балансируя на грани слова – все мы приобретаем то, что пришло с ним: мякоть земли, сок журчащего водопада, твёрдый кусочек небесной сини, свет воспалённого солнца, тайна холодной луны:

**голубые глаза Луны
и ночи без сна
наследство моё**

Много будет всего. Больше вопросов, чем ответов. Больше сомнений, чем уверенности. Больше невзгод и страданий, чем счастья:

**трепет паутины
на холодном ветру.
не моя ли участь?**

Но тем ценнее путь. Шаги по паутинке добра, света, любви и сострадания.